

ФОНОЛОГИЯ

А. В. Андронов

*Российская национальная библиотека
(Россия, Санкт-Петербург)
baltistica@gmail.com*

К ПРОБЛЕМЕ ФОНЕТИЧЕСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ*

«Строгое разграничение фонетики и фонологии необходимо по существу и осуществимо практически».

Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960. С. 20

Статья призвана привлечь внимание к некорректности обоснования фонологических решений аргументами из области собственно фонетических сведений. Во избежание распространенных методологических ошибок фонологию и фонетику целесообразно различать как две научные дисциплины: первая имеет целью выявление фонологической системы языка, вторая — изучение звучащей речи как результата действия этой системы. Задача фонологии должна быть решена до обращения к вопросам фонетики. Невозможность извлечения устройства системы из ее реализации является частным случаем неформализуемого отношения между материальным и идеальным миром. Фонологическая система выявляется на основании исследования языкового мышления носителя языка, а не физических параметров его речи. Недопустимо включение фонетических характеристик в определения фонологических понятий (гласной или согласной фонемы, слога, ударения и др.), ведь категории языкового мышления не имеют материальных составляющих. Данные узкой фонетики при рассмотрении фонологических задач не имеют прямого применения; они могут пригодиться для обнаружения вопросов, подлежащих более пристальному анализу, для выявления в системе точек большей или меньшей устойчивости, способных проявиться в историческом развитии.

Представления о реальности языковой системы как принадлежности умственной деятельности говорящего предполагают единственность адекватного ее описания. Такое описание основывается на детальном освещении внутренних связей между компонентами системы (фонологией и грамматикой); при невозможности

* Я очень благодарен Наталии Дмитриевне Светозаровой за энергичное обсуждение первой версии статьи, которое несомненно способствовало ее улучшению, хотя по ряду вопросов прийти к единому мнению нам и не удалось.

узколингвистического решения отдельных вопросов естественно обращение к психолингвистически устанавливаемым фактам. Фонологические системы языков индивидуальны, не существует универсального набора типов и свойств составляющих их единиц — соответствующие различия являются основой лингвистической типологии (противопоставление фонемы и силлабемы, функциональная нагрузка слога, фонологические признаки слова и т. д.). Дальнейшее развитие фонологии требует логической безупречности обоснования описываемых явлений, единого функционального подхода к разнообразному материалу конкретных языков.

Изложенные соображения иллюстрируются примерами из разных участков фонологического описания.

Ключевые слова: фонология, фонетика, методология лингвистического исследования, сегментация, идентификация, классификация, слог, ударение, фонологическая типология, Щербовская фонологическая школа.

1. «Разграничение» фонетики и фонологии, на котором настаивал Н. С. Трубецкой, является принципом, декларируемым теоретически, но нередко игнорируемым на практике. В современной лингвистике соответствующие области (антропофоника и психофонетика в терминах И. А. Бодуэна де Куртенэ) различаются либо как два аспекта единой фонетики (физический и функциональный), либо как две дисциплины (собственно фонетика и фонология). Независимо от выбора трактовки необходимо определиться с вопросом о связи между этими областями (асpekтами, дисциплинами). Отрицать наличие такой связи (или влияния) невозможно. Однако надо признать, что связь эта — будучи отношением между составляющими материального и идеального мира — в п р и н ц и п е не поддается формализации: на основе знаний об одной области можно строить предположения об устройстве другой, но нельзя сделать доказательные выводы, нельзя дать такого научного описания связей между материальным и идеальным, которым можно было бы руководствоваться в исследовании. Поэтому чем категоричнее различаются соответствующие области, тем надежнее застрахован ученый от методологических ошибок и непоследовательностей. Именно с этой целью мы придерживаемся предположения Трубецкого и употребляем термины в узком смысле: «Целесообразно... вместо одной иметь две “науки о звуках”, одна из которых ориентировалась бы на речь, а другая — на язык. <...> Мы будем называть учение о звуках речи фонетикой, а учение о звуках языка — фонологией» [Трубецкой 1960: 9]¹. Задача фонологии

¹ Вопрос о единстве фонетики и фонологии не раз объявлялся решенным в современном языкознании (ср. [Зиндер 1979: 7–12; Попов 2014: 24] и др.). Характерно при этом, что основная аргументация направлена на доказательство зависимости фонетического аспекта от фонологического, в то время как обратная зависимость скорее лишь декларируется или обосновывается такими внешними аргументами, как фонетическое происхождение терминов, используемых в фонологическом описании. Не случайно в исследовательской практике то и дело отражается разведение фонологии и фонетики по самостоятельным областям. Даже название читаемого в СПбГУ учебного курса «Теоретическая фонетика и фонология» (авторы программы — Л. А. Вербицкая и В. Б. Касевич) противоречит представлению о включенности фонологии в фонетику, предполагая однопорядковость данных дисциплин.

состоит в выявлении фонологической системы каждого языка, а задача фонетики — в описании ее функционирования (физических параметров самого звукового сигнала и деталей речевой деятельности человека при его порождении и восприятии).

Несмотря на ясность разграничения областей, искушение исследовать «одно через другое» очень велико, ведь фонологическая система недоступна непосредственному наблюдению, а фонетические характеристики открыты для точнейших измерений; к тому же в бытовом сознании в первую очередь именно материальный мир представляется реально существующим и дающим надежную опору для умозаключений. На самом деле в равной степени реальны и абстрактные единицы языкового мышления, относящиеся к миру идеальному; выявление именно их — задача лингвистики:

«Стремясь выявить языковую структуру (в частности, состав фонем языка), лингвист, строго говоря, работает не столько с физической реальностью (звуковым континуумом), сколько с носителем языка, который для лингвиста выступает в роли информанта. Именно исследование речевого поведения носителя языка, а не анализ артикуляторных и акустических свойств речевого потока позволяет лингвисту, например, установить состав фонем и фонологическую систему языка» [Попов 2014: 35].

Необходимо упомянуть еще одно обстоятельство. Поскольку описывающий фонологическую систему лингвист сам обычно в той или иной мере знает язык и практически владеет рассматриваемой системой, иногда он в качестве нового знания (как бы полученного в результате исследования) незаметно для себя подает то, что было ему известно изначально². В таких случаях дискретное устройство языкового мышления создает впечатление наличия аналогичной структуры и в физической реальности, и эта мнимо дискретная физическая реальность выдается за основу для суждения о фонологической системе³.

Неоднократно отмечалось, что смешение фонетического и фонологического аспектов встречается и в теоретических построениях самого Трубецкого (это,

² Ср., например, критику метода сегментации при помощи минимальных пар: «Почему мы сравниваем *ла* именно с *лу*, а не с *му*, *ру* или *ду*? Ведь они все — разные “слова”. Очевидно, пара *ла* ~ *лу* удовлетворяет нас тем, что у ее членов одна фонема совпадает, а другая — нет. Но мы еще не умеем узнавать согласные фонемы и поэтому еще не знаем, что у *ла* и *лу* одинаковое начало. Лингвист, сравнивающий *ла* с *лу*, незаметно для себя забегает вперед и пользуется результатами несделанной работы. Ошибку лингвиста легко понять. Он, как и всякий другой человек, владеет системой своего языка и все ответы (и о фонемах, и о признаках) знает с самого начала, лишь усилием разума заставляя себя забыть эти ответы» [Либерман 1971: 63].

³ Ср.: «Акустические характеристики, цифры, спектрограммы и т. п. ... создают видимость сотрудничества лингвистов с физиками, сочетания строгости точной науки с лингвистическими знаниями. Но на самом деле обращение к физической реальности оказывается как бы дымовой завесой» [Воронкова, Стеблин-Каменский 1970: 20]. Все это действительно важно и необходимо при описании функционирования системы, но не при ее выявлении («Фонологические задачи этими методами вообще не затрагиваются, поскольку язык лежит вне “меры и числа”» [Трубецкой 1960: 15]).

конечно, не значит, что провозглашенный им принцип невозможно реализовать). Уже на протяжении многих десятилетий неосознанная подмена фонологии фонетикой присутствует в работах лингвистов, а в некоторые периоды истории она даже проявляет экспансию. Предлагаемая статья написана в надежде, что обращение к проблеме «лицом» будет способствовать упорядочению методологии фонологического исследования. Оно может устанавливать закономерные связи лишь в рамках мира, к которому принадлежит его объект, — идеального мира языкового мышления и вообще мыслительной деятельности человека. Так — соотнося функционирование разных компонентов языковой системы — абсолютно правомерно утверждать, что границы между морфемами обязательно являются и границами между фонемами, но неправомерно, например, связывать фонологическую членимость с отсутствием некоего единства артикуляции (неопределимое понятие), превышением «нормальной» длительности звучания или иными характеристиками материального мира. Включать какие бы то ни было фонетические характеристики в определения фонологических понятий недопустимо в принципе: категории языкового мышления не имеют материальных составляющих.

Основная задача данной статьи — «отрицательная»: обратить внимание на нарушения принципа разграничения фонетики и фонологии и на нескольких конкретных примерах показать порочность привлечения фонетических аргументов для решения фонологических задач. Такие попытки решать фонологические вопросы посредством анализа физической действительности названы нами фонетическим вмешательством в фонологические рассуждения. В теоретическом обосновании собственно фонологического подхода к рассматриваемым проблемам мы не стремимся к полноте ссылок на обширную литературу, поскольку многие положения широко известны («хрестоматийны»). Вместе с тем парадокс ситуации состоит в том, что ряд этих давно сформулированных положений продолжает безмятежно игнорироваться, хотя аргументов, опровергающих их, выдвинуто не было.

2. Сама отмеченная выше принципиальная невозможность решать фонологические вопросы методами фонетики является первым из таких положений — не опровергнутых, но нередко игнорируемых. Многочисленные цитаты из классиков фонологии, подтверждающие эту невозможность, сами по себе, конечно, не способны обеспечить истинного, не декларативного ее принятия, однако они могут служить ориентиром в умственной работе, необходимой для воспитания ответственного понимания ситуации.

Трубецкой говорил: «Звук языка можно определить только по соотношению с фонемой. Исходить при определении фонемы из звука — значит возвращаться в порочном кругу» [Трубецкой 1960: 46–47]. Действительно: фонетика вторична, фонология первична — и логически, и хронологически. Фонология связана с общей способностью человека размышлять о звуковом составе своего языка (нашедшей отражение в истории письма и языкознания в целом), фонетика же зависит от технического прогресса — от появления и развития средств, позволяющих

воспроизводить и изучать звуковой сигнал и порождающие его артикуляции⁴. О первичности фонологии не раз писали и современные авторы: «Фонетическая реализация фонем устанавливается одновременно с фонемной интерпретацией текста или после нее» [Касевич 1983: 17]; «Не выявление артикуляторных и акустических свойств речевого потока, а анализ речевого поведения говорящего позволяет лингвисту установить состав фонем языка. Только после того как состав фонем установлен, можно приступить к артикуляторному и акустическому исследованию» [Попов 2004: 6]. Фонетика следует за фонологией: вначале описывается фонологическая система, затем изучается ее реализация. Ср. также:

«Всякая фонологическая теория должна обосновать решение по крайней мере двух задач: 1) установление состава фонем какого-либо языка, 2) установление фонемного состава любого высказывания на этом языке, другими словами, фонематической транскрипции. Вслед за В. Б. Касевичем считаем, что теоретическое решение первой из указанных задач логически предшествует решению второй» [Попов 2004: 9].

Фонологический анализ предшествует фонетическому — предшествует потому, что создает для него основания.

Не приходится думать, что против такой точки зрения могут быть выдвинуты серьезные аргументы. Не зря соответствующая мысль повторяется в самом начале учебных пособий по фонологии: «Одно и то же звучание носителями разных языков оценивается с точки зрения звукового состава по-разному» [Бондарко, Вербицкая, Гордина 2004: 7]. «Одно и то же» с точки зрения материальной фонетики получает различную интерпретацию потому, что носители разных языков исходят из разных фонологических систем. Не материальный субстрат определяет и строение фонологической системы⁵. Это видно хотя бы на примере дифтонга [ai], который звучит примерно одинаково в английском, русском и латышском (ср. англ. *tie* [tai] ‘галстук’, рус. *тай* (императив от *таять*), лтш. *tai* (датив от *tā* ‘та’)), однако в английском это монофонемная единица, в русском это две фонемы и понятие дифтонга вообще не востребовано (благодаря второй фонеме не возникает

⁴ Мысль Щербы о том, что «число наблюдаемых оттенков будет все увеличиваться по мере усовершенствования средств наблюдения» [Щерба 1912: 9], можно продолжить, подчеркнув, что это вряд ли приведет к изменению числа обнаруживаемых в системе фонологических единиц.

⁵ Часто встречается возражение: «Разве не на основе поступающей по слуховому каналу связи информации (относящейся, естественно, к материальному миру) в сознании человека формируется языковая система?» Во-первых, следует признать, что лингвистика не отвечает на вопрос о том, как формируется языковая система в сознании усваивающего язык человека (в частности, ребенка) — это было бы попыткой решения частного случая задачи взаимообусловленности материального и идеального. Освоение языка — врожденная способность человека, описание ее выходит далеко за пределы лингвистики, предоставляющей, правда, важнейшие данные для изучения этого вопроса. Задачей лингвистики является описание самой языковой системы как таковой. Во-вторых, уместнее была бы более осторожная формулировка: языковая система строится не «на основе», а «с учетом» акустического материала, однако влияние этого материала, как уже отмечалось, невозможно формализовать.

слога особого типа), в латышском же это именно то, что называется «фонологический дифтонг», то есть две фонемы в центре слога [Абеле 1924: 22–23]: *ai* состоит из двух фонем, и именно обе эти фонемы участвуют в образовании долгого слога (отличительной особенностью долгих слогов в латышском языке является их способность противопоставлять слоговые интонации).

Вряд ли кто-либо из современных лингвистов станет всерьез отстаивать точку зрения, что фонологические решения основываются на анализе физических характеристик звучащей речи. Утверждение, что «акустико-артикуляционное сходство или различие звуков не определяет их фонематического статуса», Л. Р. Зиндер называет «основным положением фонологии» [Зиндер 1979: 72–73]. А. С. Либерман же отмечает принципиальную невозможность сравнения звуков:

«Trubetzkoy should have said the following. “‘Sounds’ are not linguistic units, they form no system and are interesting only in so far as they are manifestations of distinctive entities (phonemes). They cannot be compared by linguists, and to a linguist they are neither identical nor different. The entire problem is a remnant of an antiquated view of the phonic substance of language”» [Liberman 1980: 555].

Иначе говоря, в лингвистической теории не следует даже затевать разговор о ф и з и ч е с к и «одинаковых» или «различных» реализациях — они одинаковы, сходны или различны не в природе, а в мышлении носителя конкретного языка (как реализации известных ему фонем). Это, конечно, справедливо и для более общих рассуждений — ведь известно, что «физические объекты бесконечны в своих свойствах». Напротив, фонемы в своих свойствах конечны (каждой соответствует определенный набор «дифференциальных признаков») и поэтому сопоставимы, будучи категориями нашего языкового мышления, которое, как и мышление вообще, «всегда искусственно ограничивает себя известным числом им же созданных категорий» [Поливанов 1968: 95]. Бесплодными были бы попытки вычислить на основе подробнейшего анализа свойств материального мира, какие категории будут для него созданы мышлением в том или ином языке. Состав таких категорий — это данность, которую лингвисту необходимо выявить и описать, но которую невозможно предугадать или установить на основе внеязыковой информации. Так, известно, что в бесконечно разнообразном спектре радуги разные языки насчитывают разное количество цветов. Известно и явление омонимии (ср. *лук*), не объясняемое свойствами соответствующих объектов. Это примеры следствий из произвольности и асимметричности языкового знака, которые в общем случае не могут быть предсказаны (ср. [Касевич 2011: 24]).

3. И все же апелляцию к фонетическим характеристикам можно нередко встретить в литературе на разных этапах «фонологического» описания.

Структура фонологического исследования представляется нами в духе школы Л. В. Щербы (ЩФШ). Опуская аргументы в пользу этой концепции (см. известные труды Л. Р. Зиндера, В. Б. Касевича, М. Б. Попова и др.), подчеркнем, что она исходит из р е а л ь н о с т и языковой системы и с а м о с т о я т е л ь н о с т и ее фонологического компонента.

Реальность языковой системы предполагает существование единственно правильного ее описания, адекватность которого достигается путем психолингвистической верификации теоретических построений. Соответственно, представления о принципиальной неединственности фонологических решений отвергаются. Ср. у М. И. Стеблин-Каменского: «Так называемая неединственность фонологических решений — это иллюзия. Неединственны они только в той мере, в какой они решения не тех условий, которые заданы», «решения, в неодинаковой мере учитывающие факты» [Стеблин-Каменский 1964: 51]. Надо сказать, что в классической работе Чжао Юаньжэня, на которую обычно ссылаются авторы, провозглашающие неединственность, настоящая ситуация сформулирована вполне корректно: «...given the sounds of a language, there are usually more than one possible way of reducing them to a system of phonemes, and... these different systems or solutions are not simply correct or incorrect, but may be regarded only as being good or bad for various purposes» [Chao Yuen-Ren 1934: 38] (разрядка моя. — А. А.). Именно ориентация на разные цели позволяет оценить адекватность возможных описаний. Вопрос, соответственно, состоит в выборе цели. Если языковая система принимается в качестве реально существующей, то целью лингвистического исследования должна быть ее экспликация.

Самостоятельность фонологического компонента многократно обосновывалась в работах представителей ЦФШ (см., например, [Зиндер 1979: 56–58], ср. также [Андронов 2017а]). О способности выделять вниманием фонологические единицы в отвлечении от значения свидетельствуют, в частности, и детские вопросы вроде: «Папа, как пишется [lʹ]?» (причем дать достаточно краткий ответ для русского языка невозможно).

Экспликация реально существующей и самостоятельной фонологической системы предполагает описание составляющих ее элементов и правил их функционирования (ср. [Касевич 2011: 21]). Как и в других компонентах языковой системы, в фонологии различаются линейные единицы двух типов: помимо минимальных, языковая система может обладать разного рода не-минимальными фонологическими единицами, представляющими собой по определенным правилам построенные комплексы единиц более низкого порядка (слоги — комплексы фонем, фонологические слова — комплексы слогов и т. п.)⁶; для таких единиц далее используется термин «единства» (ср. [Андронов, Клейнер 2015: 6–7]). Минимальные единицы присущи, разумеется, любому языку (их наличие обуславливается необходимостью из ограниченного числа элементов системы строить бесконечные по протяженности тексты), в качестве родового понятия, объединяющего две наиболее известные их разновидности — фонемы и силлабемы, — ниже будет использоваться аббревиатура МЛФЕ (минимальная линейная фонологическая единица). Напротив, наличие не-минимальных фонологических единиц и их состав являются вопросом, требующим выяснения для каждого языка. Для постулирования конкретных единств необходима

⁶ Ср. у Касевича [1983: 102–103] о парадигматических и синтагматических единицах (позже, [Касевич 1986: 117] — инвентарные и конструктивные единицы, соответственно).

констатация фонологических признаков, принадлежащих именно им как целостным образованиям и отсутствующих у их составных частей.

Все единицы системы — как минимальные (инвентарные), так и более крупные (конструктивные, т. е. «единства») — должны быть выявлены, то есть определены в двух отношениях: 1) отграничены от соседних единиц в тексте, иначе говоря, вычленены из цепочек (сегментация, или синтагматическая идентификация) и 2) отличены от прочих единиц того же порядка в системе (парадигматическая и деидентификация). Выявление единиц, однако, дает лишь их инвентарь, который должен быть организован в систему: каждую единицу следует охарактеризовать в отношении к другим — на основании фонологических признаков и, для единств, внутреннего линейного устройства (классификация). В отличие от ЩФШ многие фонологические концепции не предполагают специального исследования всех названных вопросов, рассматривая и подробно разрабатывая лишь некоторые из них.

Приведем примеры фонетического вмешательства на разных этапах фонологического описания. Сначала будут рассмотрены вопросы сегментации, идентификации и классификации применительно к МЛФЕ, затем — некоторые детали описания единств (фонологического слога и фонологического слова⁷).

4. Сегментация. Фундаментальное отличие так называемых слоговых языков от языков фонемных, упомянутое Л. В. Щербой [Щерба 1912: 8], на конкретном материале продемонстрированное Е. Д. Поливановым [Иванов, Поливанов 1930: 5, et passim] и детально обоснованное в трудах М. В. Гординой и В. Б. Касевича, является, по-видимому, наиболее известным достижением ЩФШ в области лингвистической типологии, давно вошедшим в университетские курсы и учебные пособия, подготовленные ее представителями [Зиндер 1979: 38; Бондарко, Вербицкая, Гордина 2004: 14–15; Маслов 2005: 75; Касевич 2011: 50–51]⁸. Типологические различия между языками проявляются непосредственно при применении к их описанию основного постулата ЩФШ, лаконично сформулированного В. Б. Касевичем: «фонологическая сегментация оказывается производной от сегментации морфологической» [Касевич 2011: 36]. Таким образом, в невозможности выделения привычных европоцентрической лингвистике фонем в языках, где нет морфемных границ между соответствующими «звуками», следует видеть не дефект исследовательского метода, а наоборот силу теоретической концепции. Функциональный анализ должен противостоять здесь фонетическому вмешательству, заключающемуся в стремлении выделять «универсальные» фонемы во всех языках.

На отсутствие функциональных оснований для членения некоторых «сложных звучаний» в английском языке указывают петербургские германисты Ю. К. Кузьменко [Кузьменко 1991: 64–66] и Ю. А. Клейнер [Клейнер 2010: 63 и далее]. Внутри

⁷ Ввиду отсутствия общепринятой пары терминов (ср. «звук» — «фонема») обозначение единств, принадлежащих языковой системе (а не речи), приходится сопровождать определением «фонологический».

⁸ Ссылки даны по последним изданиям соответствующих работ.

английских сегментов типа [eɪ], [en], [et] (представленных, например, в словах *ray* [reɪ], *pen* [pen] и *pet* [pet]) не удается обнаружить потенциальных морфемных границ (не разбиваются они и слоговой границей). Из этого должна следовать одинаковая трактовка всех их как фонологически нечленяемых единиц (то есть МЛФЕ), однако в традиционных описаниях интерпретация, как правило, различна: монофонемами признаются лишь дифтонги типа /eɪ/ (то есть, фонетически, сочетания гласных с глайдами [i] и [ɥ]); с недоверием, но все же рассматривается вопрос о монофонемности сочетаний с сонантами; явное неприятие вызывает монофонемная трактовка сочетаний с шумными. По-видимому, разное отношение к монофонемности в данном случае определяется собственно фонетической разницей между сонантами и шумными, точнее «общими представлениями» об их свойствах (непривычностью монофонеми /et/)⁹. Однако обосновано это различие может быть лишь функциональным анализом (либо обнаружением разницы в ходе психолингвистического исследования) — ср. [Клейнер, Рихакайнен 2018].

Рассматривая правомерность привлечения морфологизованных чередований для доказательства членяемости английских сочетаний гласных с носовыми ([sɪŋ] ~ [sæŋ] ~ [sɒŋ]), Касевич признает их подобие чередованиям в сочетаниях с шумными ([spɪt] ~ [spæt]): в обоих случаях можно допустить, что чередуются цельные (т. е. монофонемные) сегменты [ɪŋ] ~ [æŋ] ~ [ɒŋ], [ɪt] ~ [æt] [Касевич 1983: 24]. Ю. А. Клейнер напоминает, что морфологизованными чередованиями могла бы быть «обоснована» и бифонемность английских дифтонгов: *bind* ~ *bound* [baɪnd] ~ [baʊnd] [Клейнер 2018: 186]. Не находя узколингвистических критериев для обоснования различной трактовки таких сегментов, Касевич формулирует проблему:

«...В корректность этого метода нас заставляют верить полуинтуитивные соображения, сводящиеся к тому, что замена сегмента, которая имеет вполне определенные морфологические — и, следовательно, относительно регулярные — следствия, не может быть безразличной для фонологии. Требуется лишь обнаружить ограничения, которые позволяли бы недвусмысленно устанавливать, какой именно сегмент подвергается замене, это и придаст корректность критерию. Но мы не знаем, какими должны быть ограничения» [Касевич 1983: 25].

Основания для полуинтуитивных соображений исследователя, вероятно, могут быть найдены вне узколингвистического подхода — в области психолингвистики. Подобным образом — психолингвистически — должно быть проверено отождествление или различие носителем языка «фрагментов» таких сложных звучаний (например, [t] в *pity*) с сегментами, фонологическая самостоятельность которых поддается функциональному доказательству. Психолингвистика понимается нами здесь как область применения «субъективного метода» Щербы, направленного

⁹ Отметим, что равноправная трактовка сонантов и шумных при образовании долгого по положению слога в традиции латинской грамматики никого не смущает (ср. *accentus* — *acceptus*, где и /en/, и /ep/ являются фонологическими дифтонгами — бифонемными сочетаниями, оба члена которых входят в центр слога).

на выявление устройства языковой системы: «Мы всегда должны обращаться к сознанию говорящего на данном языке индивида, раз мы желаем узнать, какие фонетические различия он употребляет для целей языкового общения, и другого источника, кроме его сознания, у нас вовсе не имеется» [Щерба 1910: 198]. Этот метод не следует смешивать с перцептивной фонетикой, занимающейся вопросами речи — «исследованием возможностей и способностей носителей определенного языка замечать, опознавать и использовать акустические характеристики звуковых единиц в процессе восприятия речевых сообщений» [Бондарко, Вербицкая, Гордина 2004: 95]. Психолингвистика привлекает для выяснения фонологической системы весь спектр проявлений языкового мышления носителя (от «случайных» оговорок в речи до прямых суждений о тех или иных фонологических категориях), а перцептивная фонетика охватывает лишь часть важного для этой задачи материала. (М. Б. Попов справедливо напоминает, что «результаты проводимых перцептивных фонетических экспериментов необходимо интерпретировать, ясно понимая, что получены они в специфических условиях эксперимента и лишь косвенно отражают механизм восприятия в естественной речевой деятельности» [Попов 2014: 36]¹⁰.)

5. Критике попыток заменить функциональный анализ анализом фонетическим при решении вопросов идентичности посвящено несколько страниц в «Общей фонетике» Л. Р. Зиндера: «Фонетически (в узком смысле слова) сопринадлежность аллофонов одной фонемы определить невозможно» [Зиндер 1979: 52 и далее]. Автор указывает, в частности, что ссылка на отсутствие физического сходства¹¹ не может служить решением «хрестоматийного примера» — обоснованием фонологической самостоятельности английских [h] и [ŋ], находящихся в отношениях дополнительной дистрибуции: [h] только в начале слога, а [ŋ] только в конце [Зиндер 1979: 72]. Фонетическое вмешательство в фонологические рассуждения, к сожалению, практикуется в подобных случаях многими классиками, начиная с Н. С. Трубецкого (понятие «акустически (или артикуляторно) родственных звуков» [Трубецкой 1960: 56]).

¹⁰ Вместе с тем само описание места перцептивной фонетики представляется в учебнике М. В. Попова несколько противоречивым. С одной стороны, автор противопоставляет перцептивный аспект (вместе с артикуляционным и акустическим) фонологическому [Попов 2014: 23] и не называет выяснения фонологической системы в числе важнейших вопросов перцептивной фонетики [Попов 2014: 36–37]. С другой стороны, он утверждает, что «именно этот <перцептивный> аспект фонетических исследований имел в виду Л. В. Щерба, когда еще в начале XX в. говорил о “субъективном методе” как ведущем в фонетике и о лингвистическом эксперименте» [Попов 2014: 36], и именно в разделе о перцептивном аспекте формулирует процитированную в начале нашей статьи мысль об исследовании «речевого поведения носителя» как основе для «моделирования функциональной реальности языка» [Попов 2014: 35].

¹¹ Ср. у В. Б. Касевича: «По поводу фонетического сходства мы не раз уже говорили выше, в разных контекстах, что оно, так сказать, фонологически бесплодно и вообще с фонологической точки зрения представляет собой скорее фиктивное понятие. Трудно сказать, каковы должны быть пороговые значения, чтобы можно было утверждать, что данные два фона “похожи” друг на друга больше, чем каждый из них на какой-либо другой» [Касевич 1983: 59].

В связи с проблемой соотношения [h] и [ŋ] (на немецком материале, аналогичном английскому) Трубецкой, правда, опираясь не на отсутствие фонетического сходства, а на понятие косвенно-фонологической оппозиции [Трубецкой 1960: 40–41], то есть такой оппозиции, общие признаки членов которой («основание для сравнения» [Трубецкой 1960: 75]) не специфичны, а имеются и у других членов фонологической системы. Ср.:

«Противоположение „*ich*-Laut“ и „*ach*-Laut“ в немецком языке не несет смысловозначительной функции, так как эти звуки являются взаимоисключающими, а их общие признаки (глухой дорсальный спирант) не повторяются ни в одном звуке фонетической системы немецкого языка. Но оппозиция *h* — *ŋ*, члены которой тоже являются взаимоисключающими (ведь *h* встречается только перед гласными, кроме безударных *e* и *i*; *ŋ* — наоборот, только перед безударными гласными *e* и *i* и перед согласными), тем не менее обладает смысловозначительным характером, поскольку то единственно общее, что присуще этим звукам, а именно их консонантный характер, присуще не только им одним, и, таким образом, не этот признак позволяет отличать их от других согласных немецкого языка» [Трубецкой 1960: 40]¹².

Следует отметить, правда, что приведенное рассуждение строится по сути на фонетических характеристиках, а не на функционально обоснованных признаках сопоставляемых единиц.

Узкофонетической аргументации, используемой во многих описаниях, Зиндер противопоставляет аргументацию собственно лингвистическую: «для того, чтобы два звука были аллофонами одной фонемы, они должны быть связаны отношением дополнительной дистрибуции в пределах хотя бы одной морфемы данного языка» [Зиндер 1979: 73]. Ср. также: «Носитель языка как один “звук речи”, т. е. фонему (для лингвиста), воспринимает разные звуки, не встречающиеся в одном и том же контексте, но в принципе могущие ассоциироваться друг с другом благодаря тому, что они иногда чередуются в одной и той же морфеме или словоформе» [Попов 2014: 56].

Именно наличие лингвистической связи необходимо для самой постановки вопроса в случаях, подобных проблеме английских или немецких [h] и [ŋ]. Сильнейшим проявлением такой связи является чередование. Однако на лингвистическую связь может, по-видимому, указывать не только осуществляющееся в языке чередование, но и его следы, наблюдаемые, например, в особенностях распределения фонем по позициям, в изменениях, происходящих при адаптации заимствований.

¹² В «Основах фонологии» Трубецкой довольно кратко характеризует ситуацию косвенно-фонологической оппозиции, не давая ее строгого определения (ср. более подробно [Troubetzkoy 1936: 9–10]), поэтому критика этого понятия у Зиндера [Зиндер 1973: 171] основана на недоразумении: отмеченная Трубецким способность членов такой оппозиции вступать в непосредственно-фонологическое противопоставление с другими фонемами является не квалификационным признаком, а просто свойством, объединяющим ее с непосредственными оппозициями. Аналогичная способность [ç] и [x] (контраргумент Зиндера) не упоминается Трубецким потому, что он не трактует их как самостоятельные фонемы.

Исторически члены чередования обычно восходят к единой фонеме, но в развитии языка чередования могут по разным причинам устраняться, а их члены приобретать статус самостоятельных фонем (разрушение чередований, ослабление лингвистической связи открывает путь для фонологизации).

Рассматриваемые Зиндером [Зиндер 1979: 55] примеры фонологических отношений между [s] и [h] в разных языках могут быть выстроены по степени выраженности этой лингвистической связи. Так, в якутском языке наблюдается именно чередование: в интервокальной позиции *s* чередуется с *h* (*бас* ‘голова’ — *бах-ым* ‘моя голова’) [Харитонов 1947: 70] (о закономерностях употребления *s* и *h* в якутском см. [Барашков 1953: 45–50]). В эвенском такого чередования нет, но есть исторически объяснимое позиционное распределение: поскольку в начале слова (перед гласным) **s* > *h*, для начала слова нехарактерно [s], а для середины и конца — [h] [Цинциус 1947: 22, 25, 41; Цинциус 1949: 190–203]. Такое распределение поначалу влияло и на оформление заимствований (ср. *хакар* [h-] < рус. *сахар*), но позже было разрушено (ср. эвен. *самолёт*). Поэтому Зиндер утверждает: в эвенском языке [s] и [h] «были до самого недавнего времени аллофонами одной фонемы» [Зиндер 1979: 55]¹³.

М. Б. Попов усматривает ограничение собственно лингвистического критерия парадигматической идентификации в следующем обстоятельстве: поскольку некоторый звук может входить в разные ряды чередований, невозможно обосновать выбор фонемы, к которой он относится:

«Опираясь только на морфемы, фонолог обнаруживает, что, например, минимальные сегменты [t'] корневых морфем в словоформах *сетей* и *о коте...* входят в разные ряды чередований — [t']/[t']/[t^h] (*сетей, сетям, сеть*) и [t']/[t]/[t^h] (*коте, кота, кот*). А это значит, что, согласно принятому критерию, [t'] может быть отождествлено и с [t'], [t^h] в словах *сетям, сеть* и с [t], [t^h] в словах *кота, кот*. <...> Попытка обойти это противоречие указанием на тот факт, что признак твердости/мягкости является для русских согласных фонемным (= дифференциальным) и поэтому [t'] отождествляется с [t^h'], а не с [t^h], не достигает цели, поскольку на данном этапе фонологического анализа еще не может быть известно, какой признак является фонемным, а какой — аллофонным, т. к. статус признака определяется после установления состава фонем» [Попов 2014: 58].

Думается, однако, что в таком «забегании вперед» нет противоречия. Лингвист должен в конце концов объяснить устройство системы, показав взаимодействие ее компонентов. Система языка, по-видимому, познается целиком (в виде гипотезы),

¹³ Разрыв лингвистической связи приводит к обособлению бывших аллофонов и образованию самостоятельных фонем, причем некоторое время самостоятельность фонем может не иметь узколингвистических проявлений (ср.: «...Изменение фонетического контекста при наличии (сохранении) фонетического различия, первоначально обусловленного этим контекстом, лишь к о н с т а т и р у е т, что фонетически различные единицы уже реализуют самостоятельные фонемы. Таким образом, новое фонологическое противопоставление и соответственно новая фонема возникает до, а не после того, как изменился фонетический контекст» [Попов 2004: 165–166]).

а не строится по частям (выполняя последовательность некоторых действий) (см. [Касевич 1983: 6–18]), поэтому контраргументы о том, что в какой-то момент исследования какая-то информация еще не доступна, вряд ли имеют силу. Другое дело, что — как и при синтагматической идентификации — некоторые решения могут не поддаваться узколингвистическому обоснованию. Как всегда в таких случаях, ответ следует искать во включающей системе — в области языкового мышления, исследуемого психолингвистически. Для задач фонологического описания достаточно уверенного ответа русскоязычного информанта: «В *сетей* и *сеть* второй согласный один и тот же». (Понятно, что этот воображаемый ответ должен быть дан не на прямой вопрос — корректная экспериментальная проверка здесь была бы, несомненно, желательна, но вряд ли приходится сомневаться в абсолютном преобладании именно такого мнения носителя языка.)

Вообще следует отметить, что при парадигматической идентификации в центре внимания находятся не «пределы варьирования фонемы», поскольку в лингвистической реальности («в языковом сознании») нет аллофонов: вопрос состоит не в объединении этих мнимых (различаемых исследователем, а не носителем) сущностей в фонему, а в выявлении числа отдельных фонем в системе. Если при синтагматической идентификации мы выясняем, сколько границ имеется в отрезке текста, то при парадигматической идентификации мы определяем, сколько в нем представлено различающихся единиц.

6. Следующим этапом описания является классификация выявленных единиц. Эта классификация осуществляется по признакам, которые в случае фонем (МЛФЕ) обычно называются дифференциальными. Ввиду проблематичности понятия дифференциального признака (см. [Андронов 2013]) будем говорить просто о «признаках фонемы», которые у нее — как фонологической единицы — разумеется, могут быть только фонологическими (обозначение «релевантные» следует признать избыточным [Андронов 2017а: 254]). Проблематика установления признаков фонем подробно рассмотрена Касевичем [Касевич 1983: 78–99], начинающим соответствующий раздел со знаменательного предостережения: «Наиболее распространенный — и наименее приемлемый — путь <выявления признаков фонем> состоит в том, что дифференциальные признаки явно или неявно понимаются как фонетические свойства звуков, реализующих соответствующие фонемы, поддающиеся прямому наблюдению и измерению» [Касевич 1983: 79]. К сожалению, подобные примеры фонетического вмешательства в данный этап фонологического описания могут быть найдены не только в работах лингвистов, специально не занимающихся проблемами фонологии (ср. отказ русским фонемам /с/, /č/, /х/ в признаке глухости из-за наличия у них звонких аллофонов, вошедший в учебник по введению в языкознание Ю. С. Маслова [Маслов 2005: 62]), но и у ярчайших представителей современной фонологической науки (ср. сомнения М. Б. Попова в фонологичности признака нижнего подъема у русской фонемы /а/, вызванные наличием среди ее аллофонов гласных [а] и [ъ], не относящихся к нижнему подъему [Попов 2004: 105]). Функциональный анализ убеждает, что несоответствие или даже кажущееся противоречие фонологических признаков и фонетических характеристик

не представляет собой ничего экстраординарного. Проблематике функционального обоснования классификации посвящены наши работы [Андронов 2011] (о фонологических свойствах русских непарных глухих) и [Андронов 2020] (об устройстве вокалических систем русского, латышского и финского языков)¹⁴.

Как и на других этапах описания, при классификации также возможны случаи, когда некоторое решение не находит узколингвистического обоснования, но может быть подтверждено психолингвистически. К ним относится, в частности, проблема определения места в системе для фонем, не участвующих в чередованиях ни в качестве чередующихся единиц, ни в качестве обуславливающего чередования контекста (в разных языках число таких МЛФЕ существенно различается).

7. Переходя от проблематики МЛФЕ к описанию е д и н с т в, еще раз подчеркнем, что во избежание умножения сущностей без необходимости наличие каждого типа единств должно обосновываться в рамках конкретной языковой системы. Широко распространенное мнение, будто в системах всех языков существуют слоги и фонологические слова (которые, соответственно, должны быть во что бы то ни стало обнаружены, а затем освещены в преподавании), должно расцениваться как фонетическое вмешательство в фонологические рассуждения.

Так, фонологическое описание с л о г а часто отталкивается от заведомо нефонологического понятия «минимальной произносительной единицы». Переименовая в связи с этим слова Трубецкого, процитированные выше, можно было бы сказать: «Исходить при определении фонологического слога из минимальной произносительной единицы — значит вращаться в порочном кругу». Разными причинами обусловленная ритмизация характерна для человеческой речи вообще, но фонолога интересуют составляющие конкретных языковых систем, в частности вопрос о том, выполняет ли минимальная произносительная единица какую-то языковую функцию. Подобно тому, как в русском языке отсутствует фонема /z/ при наличии соответствующей комбинаторно обусловленной аффрикаты ([š':eʒ вы] *щец бы!*), в конкретной языковой системе может не быть фонологического слога при наличии минимальной произносительной единицы.

Разграничение минимальной произносительной единицы и фонологического слога, понимаемого как единство, определенным образом организующее цепочки МЛФЕ, вскрывает терминологическое затруднение (на занятиях со студентами СПбГУ получившее название «парадокс Клейнера»): в языках слогового строя нет слогов. «Слоги» таких языков обладают определенным (весьма строгим) линейным устройством, но наблюдаемые в них сегменты не являются МЛФЕ, поскольку таковыми здесь оказываются сами «слоги» (называемые так ввиду чисто фонетического сходства со слогами «традиционных», фонемных языков) [Клейнер 2018: 184, 189].

¹⁴ Отметим, что признаков у фонемы может быть обнаружено больше, чем необходимо для ее безошибочной идентификации среди других фонем. Так, «фонологическая прозрачность», констатированная у русских /c/, /č/, /x/, /v/, несомненно является их функциональной особенностью, заслуживающей внимания. Особые отношения между узкими /c/, /č/ и широкими /æ/, /æ̃/ делают целесообразным объединение этих фонем в подсистему внутри латышского вокализма, хотя для идентификации каждой из них достаточно признаков ряда и подъема (и долготы).

Работы Л. М. Хаймана о проблеме слога в нигеро-конголезском языке гокана [Нуман 1983; 2011; 2015] отмечают расплывчатость моделей синтагматической организации цепочек фонем, описываемых в терминах гласных и согласных. Однако отсутствие фонологического слога создает трудности для самого функционального определения понятий гласного (vs согласного). Выведение же этих понятий из собственно фонетических характеристик будет очередным примером нежелательного вмешательства в фонологические рассуждения (как и нередко формулируемая псевдоуниверсалия, что «во всех языках есть гласные и согласные», очевидным образом говорящая не о фонемах, то есть не о единицах, относящихся к области системы языка).

Отсутствие фонологического слога констатировано в таком неэкзотическом языке, как русский. Правда, С. В. Кодзасов формулирует соответствующую мысль несколько завуалированно: «К числу языков, в которых фонологические признаки слога отсутствуют, относится современный русский» [Кодзасов 1990] (раз нечто не имеет фонологических признаков, надо полагать, что это нечто не относится к фонологической системе). Л. Р. Зиндер утверждает совершенно определенно: «В таких языках слог и слоговоеделение не связаны со смыслом, и слог не является поэтому фонологической единицей» [Зиндер 1979: 251]. Однако и в этой формулировке можно усмотреть противоречие, связанное с фонетическим вмешательством, поскольку она предполагает, что «какой-то» слог несомненно есть, только не фонологический (то есть не принадлежащий фонологической системе). Утверждение Зиндера, по-видимому, исключает даже возможность ситуации (отмеченную выше применительно к разным этапам описания МЛФЕ), когда фонологический слог не имеет узколингвистического проявления, но может быть выявлен психоллингвистически. Вместе с тем свидетельством принадлежности слога к языковой системе является наличие разных его типов — например, различие долгих и кратких слогов в балтийских языках по способности обеспечить базу для противопоставления слоговых интонаций (см. [Андронов 2018б]).

Фонологическим признаком с л о в а (акцентного единства) является ударение, которое может воплощаться в весьма разнообразных реализациях (см. [Андронов 2017б]). Функциональный подход приводит к трактовке сингармонизма как акцентного явления [Гард 2015: 77–81]. Тем временем в большинстве работ о наличии и месте ударения судят по фонетическим характеристикам интенсивности, высоты и длительности. На этих фонетических соображениях основывается и традиционное определение ударения как выделения одного из слогов на фоне других слогов слова, хотя известно, что фонетически выделенным может быть не один слог слова (ср. «плато» из высоких слогов в японском) или фонетически выделенный слог может не совпадать с фонологически ударным (ср. акцентуацию жемайтских слов с «оттянутым ударением» или вопрос о месте ударения в штокавских говорах сербохорватского языка [Гард 2015: 164])¹⁵. Как нам уже приходилось писать [Andronovas

¹⁵ Подобные расхождения в указаниях «положительных и отрицательных акцентных средств» [Гард 2015: 57] являются очередным примером противоречия фонетики и фонологии, которое во многих случаях по традиции разрешается в пользу фонетики.

2022: 26], в определении ударения следует иначе расставить акценты: важно не то, что выделено (не говоря о том, какими фонетическими средствами выделено), а то, какой сегмент текста соответствующим признаком характеризуется. Акцентным контуром характеризуется слово.

8. Отмеченные примеры фонетического вмешательства естественным образом отражаются и на результатах исследований по фонологической типологии и ареальной лингвистике, нередко группирующих языки по использованию той или иной артикуляционной характеристики (например, глоттализации) — без внимания к деталям ее фонологического статуса. В качестве примера укажем возражение Е. Д. Поливанова из неопубликованной рецензии на книгу Р. О. Якобсона «К характеристике евразийского языкового союза» (1931):

«Разница именно фонологическая между турецкой <тюркской — А. А.>, например, сингармонической мягкостью (— полумягкостью) и русской мягкостью независимой настолько велика, что Р. Якобсон, мне кажется, недооценивает ее, когда вводит так смело турецкие сингармонистические чередования оттенков согласных... под одну краску на карте изоглосс с русским и т. п. консонантическим дуализмом» [Поливанов 1933: тетрадь 6, л. 16об.].

Якобсон сближает сингармонизм с мягкостной корреляцией фонем, основываясь на наблюдаемой в обоих случаях фонетической характеристике палатализованности, а полиакцентные системы (типа балтийских) — объединяет с тональными системами Юго-Восточной Азии ввиду сходных модуляций тона. Фонологические основания, напротив, предполагают объединение сингармонизма с полиакцентностью (супрасегментные признаки уровня слова), а фонематической мягкости — с тональными системами (сегментные признаки МЛФЕ) — подробнее см. [Андронов 2018а; 2018в], где обосновывается также выделение сингармонистических языков в качестве третьего фонологического типа наряду с фонемными и слоговыми.

Для составления истинно фонологического атласа языков, разумеется, необходимо иметь их описания, созданные в рамках единого последовательно функционального подхода.

* * *

Как можно видеть, строгое разграничение фонетики и фонологии вновь ставит проблемы, большинству лингвистов представляющиеся давно решенными. Конечно, фонологические системы многих языков для практических целей описаны вполне удовлетворительно. Надо признать, однако, что это обеспечено не столько успехами науки, сколько уже отмеченным выше обстоятельством, что их устройство интуитивно ясно владеющему языком исследователю и он способен эксплицировать это знание в своих работах. Именно поэтому «последователи Л. В. Щербы ставили <и ставят — А. А.> во главу угла экспериментальное исследование сознания носителей языка» [Попов 2014: 261]. Правда, в учебнике по введению в языкознание В. Б. Касевич формулирует вопрос, стоящий перед фонологом,

так: «какие операции следует произвести над текстом, чтобы установить систему фонем данного языка?» [Касевич 2011: 35]. Однако все содержание научной монографии [Касевич 1983], свободное от педагогического упрощения, свидетельствует о том, что истинный вопрос состоит в том, какие операции следует «произвести» над носителем языка для выяснения его фонологической системы. Текст является лишь одним из продуктов речевой деятельности (пусть и важнейшим), а к исследованию должны привлекаться все многообразные ее проявления во всём доступном объеме. Фонетическая аргументация при этом является лишь внешним, не имеющим доказательной силы обстоятельством, способным к тому же не только навести на верный путь, но и дезориентировать.

Помимо практических целей есть, однако, и фундаментальные задачи, стоящие перед теоретическим языкознанием. Строгость, необходимая для таких исследований, заставляет признать, что в имеющихся описаниях даже хорошо известных языков остается немало нерешенных вопросов. Многое, кажущееся удовлетворительным на первый взгляд (или в оценке неспециалистов), требует пересмотра или доработки. Как показывает опыт, незамеченные ранее фонологические особенности могут быть выявлены и в известных языках. Не менее важным, однако, является детальное освещение самих внутренних связей, пронизывающих любую языковую систему, вскрытие взаимодействия ее подсистем и элементов. Это возможно, конечно, лишь при логической безупречности обоснования описываемых явлений.

Литература

Абеле А. К вопросу о слоге // *Slavia*. Roč. III. Seš. 1. Praha, 1924. S. 1–34.

Андронов А. В. К проблеме фонологической прозрачности в сочетаниях согласных // *Лингвистика от Востока до Запада: В честь 70-летия В. Б. Касевича*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 107–112.

Андронов А. В. О понятии интегрального признака в фонологии // Конференция, посвященная 150-летию Кафедры общего языкознания. 4–7 сентября 2013 года. Тезисы / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2013. С. 11–13 [Электронный ресурс]. URL: <http://genling150.phil.spbu.ru/tezisy-konferencii> (дата обращения: 11.03.2023).

Андронов А. В., Клейнер Ю. А. Предисловие // П. Гард. Ударение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. С. 5–9.

Андронов А. В. Графическое обозначение фонологических признаков как ориентир при совершенствовании алфавитного письма и свидетельство реальности фонологических категорий // *Studi Slavistici XIV* (2017a). Pp. 253–274.

Андронов А. В. О нетривиальных ипостасях ударения // XLVI Международная филологическая конференция, направление общего языкознания, секция фонологии. Программа и тезисы докладов. 15 марта 2017 г. / Филологический факультет СПбГУ. СПб., 20176. С. 3 [Электронный ресурс]. URL: http://genling.spbu.ru/phonolog/subsection/2017_Phonology_programme.pdf (см. также: <http://conference-spbu.ru/conference/36/reports/6467/>) (дата обращения: 11.03.2023).

Андронов А. В. Морфологическая и фонологическая типология: вопросы соответствия и минимальных линейных фонологических единиц // «Национальные лингвосферы — сопредельные зоны партнерства» (Ч. Айтматов). Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию Чингиза Торекуловича Айтматова. 24–26 октября, Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына. Бишкек, 2018а. С. 158–165.

Андронов А. В. О соответствии фонологической и грамматической сегментации // XLVII Международная филологическая конференция, направление общего языкознания, секция фонологии. Программа и тезисы докладов. 21 марта 2018 г. / Филологический факультет СПбГУ. СПб., 2018б. С. 3–4 [Электронный ресурс]. URL: http://genling.spbu.ru/phonolog/subsection/2018_Phonology_programme.pdf (см. также: <http://conference-spbu.ru/conference/38/reports/8819/>) (дата обращения: 11.03.2023).

Андронов А. В. Фонологические заметки о «Фонологических заметках» // In Нопогем: Сборник статей к 90-летию А. Е. Супруна. Минск: РИВШ, 2018в. С. 18–29.

Андронов А. В. «Разгубленность» против огубленности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. СПб., 2020. Т. 17. Вып. 4. С. 543–556.

Барашков П. П. Звуковой состав якутского языка. Якутск: Якутское книжное издательство, 1953. 98 с.

Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. 160 с.

Воронкова Г. В., Стеблин-Каменский М. И. Фонема — пучок РП? // Вопросы языкознания. 1970. № 6. С. 15–26.

Гард П. Ударение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. 200 с.

Зиндер Л. Р. К вопросу о составе фонем в современном немецком языке // Philologica: Исследования по языку и литературе. Л.: Наука, 1973. С. 168–174.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.

Иванов А. И., Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка. М.: Институт востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР, 1930. 303 с.

Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983. 295 с.

Касевич В. Б. Морфонология. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. 160 с.

Касевич В. Б. Введение в языкознание. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2011. 240 с.

Клейнер Ю. А. Очерки по общей и германской просодике. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 239 с.

Клейнер Ю. А. Сегменты и границы // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 17. Фонетика. М., 2018. С. 184–193.

Клейнер Ю. А., Риехакайнен Е. И. К вопросу об экспериментальной проверке существования моносиллабов сложной конфигурации // XLVII Международная филологическая конференция, направление общего языкознания, секция фонологии. Программа и тезисы докладов. 21 марта 2018 г. / Филологический факультет

СПбГУ. СПб., 2018. С. 5–6 [Электронный ресурс]. URL: http://genling.spbu.ru/phonolog/subsection/2018_Phonology_programme.pdf (см. также: <http://conference-spbu.ru/conference/38/reports/8697/>) (дата обращения: 11.03.2023).

Кодзасов С. В. Слог // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 470.

Кузьменко Ю. К. Фонологическая эволюция германских языков. Л.: Наука, 1991. 284 с.

Либерман А. С. Порядок действий в фонологии и реальность различительных признаков // Вопросы языкознания. 1971. № 3. С. 60–72.

Поливанов Е. Д. [Рец. на кн.:] Р. О. Якобсон. К характеристике евразийского языкового союза. 1931. 59 стр. — рукопись в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге: фонд Р. О. Якобсона, коробка 17/С/15 [1933].

Поливанов Е. Д. Мутационные изменения в звуковой истории языка // Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. С. 90–113 (публикация рукописи 1931 г.).

Попов М. Б. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 344 с.

Попов М. Б. Фонетика современного русского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. 302 с.

Стеблин-Каменский М. И. О симметрии в фонологических решениях и их неединственности // Вопросы языкознания. 1964. № 2. С. 45–52.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 372 с.

Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Ч. 1: Фонетика и морфология. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. 312 с.

Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка: фонетика и морфология. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1947. 271 с.

Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1949. 343 с.

Щерба Л. В. Субъективный и объективный метод в фонетике // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1909 г. Т. XIV. Кн. 4. СПб., 1910. С. 196–204.

Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.

Andronovas A. Lietuvių kalbos priegaidės — skiemens ar žodžio požymiai? // Baltistikos platybėse: Baltų kalbotyros straipsnių rinkinys, skirtas prof. Bonifaco Stundžios 70 metų jubiliejui. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2022. P. 21–32 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zurnalai.vu.lt/open-series/issue/view/2175> (дата обращения: 11.03.2023).

Chao Y.-R. The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems // Bulletin of the Institute of History and Philology / Academia Sinica. Vol. IV. Part 4. Shanghai, 1934, pp. 363–397.

Hyman L. M. Are there syllables in Gokana? // Current approaches to African linguistics. Vol. 2. Dordrecht; Cinnaminson: Foris Publications, 1983, pp. 171–179.

Hyman L. M. Does Gokana really have no syllables? Or: what's so great about being universal? // Phonology. Vol. 28. Issue 1. 2011, pp. 55–85.

Hyman L. M. Does Gokana really have syllables? A postscript // Phonology. Vol. 32. Issue 2, 2015, pp. 303–306.

Liberman A. [Review of:] N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes. Paris, Mouton, 1975. 506 p. // Linguistics. Vol. 18, no. 5–6, 1980, pp. 543–556. Эл. версия 2017 года на сайте проекта кафедры общего языкознания СПбГУ «Лингвистика утраченная и обретенная»: <http://genling.spbu.ru/llf/texts/scans/Liberman1980-2017.pdf> (дата обращения: 11.03.2023).

Trubetzkoy N. S. Essai d'une théorie des oppositions phonologiques // Journal de psychologie normale et pathologique. Année 33, no. 1, 1936, pp. 5–18.

A. V. Andronov

National Library of Russia

(Russia, St. Petersburg)

baltistica@gmail.com

ON THE PROBLEM OF PHONETIC INTERVENTION INTO PHONOLOGICAL DISCOURSE

The article demonstrates that substantiation of phonological solutions with pure phonetic arguments is methodologically incorrect. To avoid common mistakes, it is important to keep phonology and phonetics apart as two different disciplines, the former aimed to reveal the phonological system of a language, the latter studying speech sounds as the products of its functioning. The task of phonology must be achieved before addressing the questions of phonetics. That deriving a system from the results of its implementation is impossible is a particular case of the non-formalizable relationship between the material and the ideal world. A phonological system is revealed on the basis of the study of a speaker's language behavior, rather than the physical parameters of speech. It is unacceptable to include phonetic characteristics in the definitions of phonological concepts (vowel or consonant phoneme, syllable, stress, etc.), because the categories of linguistic thinking do not have material components. The data of narrow phonetics have no direct application when considering phonological problems; they can be useful in discovering problematic questions for closer scrutiny, as well as in identifying points of greater or lesser stability in the system that may manifest themselves in historical development.

Ideas about the reality of the language system as part of the speaker's mental activity presuppose uniqueness of its adequate description. Such a description is based on a detailed treatment of internal connections between the components of the system (phonology and grammar), the use of psycholinguistically established facts being applied to

cases when solutions in linguistic terms per se are impossible. Phonological systems of languages are individual; there is no universal set of types and properties of their constituents, the differences being the basis of linguistic typology (phonemes vs syllabemes, functional load of a syllable, phonological features of a word, etc.). Further development of phonology requires a logically impeccable grounding of phenomena described, a consistent functional approach to the diverse material of specific languages.

The above considerations are illustrated by examples from different parts of the phonological description.

Keywords: phonology, phonetics, methodology of linguistic research, segmentation, identification, classification, syllable, stress, phonological typology, Ščerba phonological school.

References

Ābele A. K voprosu o sloge [The question of the syllable]. *Slavia*. Year III. Part 1. Praha, 1924. S. 1–34. (In Russ.)

Andronov A. V. [The problem of phonological transparency in combinations of consonants]. *Lingvistika ot Vostoka do Zapada* [Linguistics from East to West]. St. Petersburg, Filologicheskii Fakul'tet SPbGU Publ., 2011, pp. 107–112. (In Russ.)

Andronov A. V. [On the notion of the integral feature in phonology]. *Konferentsiya, posvyashchennaya 150-letiyu Kafedry obshchego yazykoznanija. 4–7 sentyabrya 2013 goda. Tezisy. Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet* [Conference devoted to the 150th anniversary of the Department of General Linguistics. September 4–7, 2013. Abstracts. St. Petersburg State University]. St. Petersburg, 2013, pp. 11–13. (In Russ.) Available at: <http://genling150.phil.spbu.ru/tezisy-konferencii> (accessed 11.03.2023).

Andronov A. V. [Graphetic designation of phonological features as a guide for the rationalisation of alphabetic writing and evidence for the reality of phonological categories]. *Studi Slavistici XIV*, 2017a, pp. 253–274. (In Russ.)

Andronov A. V. [On the non trivial manifestations of accent]. *XLVI Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya, napravlenie obshchego yazykoznanija, sektsiya fonologii. Programma i tezisy dokladov. 15 marta 2017 g. Filologicheskii fakul'tet SPbGU* [46th International Philological Research Conference, Area of General Linguistics, Section on phonology. Program and abstracts. March 15, 2017. St. Petersburg State University, Faculty of philology]. St. Petersburg, 2017b, p. 3. Available at: http://genling.spbu.ru/phonolog/subsection/2017_Phonology_programme.pdf (see also: <http://conference-spbu.ru/conference/36/reports/6467/>). (In Russ.) (accessed 11.03.2023).

Andronov A. V. [Morphological and phonological typology: questions of correspondence and minimal linear units]. “*Natsional'nye lingvosfery — sopredel'nye zony partnerstva*” (Ch. Aitmatov). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu Chingiza Torekulovicha Aitmatova. 24–26 oktyabrya, Kyrgyzskii natsional'nyi universitet im. Zhusupa Balasagyna* [“National lingvospheres — adjoining zones of partnership” (Ch. Aitmatov). Proceedings of the International scientific conference devoted to the 90th anniversary of Chinghiz Torekulovich Aitmatov. October 24–26, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn]. Bishkek, 2018a, pp. 158–165. (In Russ.)

Andronov A. V. [On the correspondence between phonological and grammatical segmentation]. *XLVII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya, napravlenie obshchego yazykoznaniya, sektsiya fonologii. Programma i tezisy dokladov. 21 marta 2018 g. Filologicheskii fakul'tet SPbGU* [47th International Philological Research Conference, Area of General Linguistics, Section on phonology. Program and abstracts. March 21, 2018. St. Petersburg State University, Faculty of philology]. St. Petersburg, 2018⁶, pp. 3–4. (In Russ.) Available at: http://genling.spbu.ru/phonolog/subsection/2018_Phonology_programme.pdf (see also: <http://conference-spbu.ru/conference/38/reports/8819/>) (accessed 11.03.2023).

Andronov A. V. [Phonological notes on “Phonological notes”]. *In Honorem: Sbornik statei k 90-letiyu A. E. Supruna* [Collection of papers on the 90th anniversary of A. E. Suprun]. Minsk, RIVSh Publ., 2018^в, pp. 18–29. (In Russ.)

Andronov A. V. [Lip spreading, not lip rounding]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of St. Petersburg University. Language and literature]. St. Petersburg, 2020, vol. 17, issue 4, pp. 543–556. (In Russ.)

Andronovas A. [Lithuanian *priegaidė*: a syllable or a word feature?]. *Baltistikos platybėse: Baltų kalbotyros straipsnių rinkinys, skirtas prof. Bonifaco Stundžios 70 metų jubiliejui* [In the vastness of Baltistics: A collection of papers in Baltic linguistics devoted to the 70th anniversary of Prof. Bonifacas Stundžia]. Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla, 2022, pp. 21–32. Available at: <https://www.zurnalai.vu.lt/open-series/issue/view/2175> (accessed 11.03.2023). (In Lithuanian)

Andronov A. V., Kleiner Yu. A. [Foreword] // P. Gard. *Udarenie* [Accent]. St. Petersburg, Filologicheskii Fakul'tet SPbGU Publ., 2015, pp. 5–9. (In Russ.)

Barashkov P. P. *Zvukovoi sostav yakutskogo yazyka* [Sound inventory of the Yakut language]. Yakutsk, Yakutskoe Knizhnoe Izdatel'stvo Publ., 1953. 98 p.

Bondarko L. V., Verbitskaya L. A., Gordina M. V. *Osnovy obshchei fonetiki* [Foundations of general phonetics]. St. Petersburg, Filologicheskii Fakul'tet SPbGU; Moscow, Akademiya Publ., 2004. 160 p.

Chao Y.-R. The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems. *Bulletin of the Institute of History and Philology. Academia Sinica*. Vol. IV. Part 4. Shanghai, 1934, pp. 363–397.

Gard P. *Udarenie* [Accent]. St. Petersburg, Filologicheskii Fakul'tet SPbGU Publ., 2015. 200 p.

Hyman L. M. Are there syllables in Gokana? *Current approaches to African linguistics*. Vol. 2. Dordrecht; Cinnaminson, Foris Publications. 1983, pp. 171–179.

Hyman L. M. Does Gokana really have no syllables? Or: what's so great about being universal? *Phonology*, vol. 28, issue 1, 2011, pp. 55–85.

Hyman L. M. Does Gokana really have syllables? A postscript. *Phonology*, vol. 32, issue 2, 2015, pp. 303–306.

Ivanov A. I., Polivanov E. D. *Grammatika sovremennogo kitaiskogo yazyka* [Grammar of modern Chinese]. Moscow, Institut Vostokovedeniya im. Narimanova pri TsIK SSSR Publ., 1930. 303 p.

Kasevich V. B. *Fonologicheskie problemy obshchego i vostochnogo yazykoznaniya* [Phonological problems in general and oriental linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 295 p.

Kasevich V. B. *Morfonologiya* [Morphophonology]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1986. 160 p.

Kasevich V. B. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. St. Petersburg, Filologicheskii Fakul'tet SPbGU; Moscow, Akademiya Publ., 2011. 240 p.

Kharitonov L. N. [Modern Yakut]. *Fonetika i morfologiya* [Phonetics and morphology]. Part. 1 Yakutsk, Gosizdat YaASSR Publ., 1947. 312 p.

Kleiner Yu. A. *Ocherki po obshchei i germanskoi prosodike* [Essays on general and Germanic prosody]. St. Petersburg, Fakul'tet Filologii i Iskusstv SPbGU Publ., 2010. 239 p.

Kleiner Yu. A. [Segments and boundaries]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. Vol. 17. Fonetika [Phonetics]. Moscow, 2018, pp. 184–193. (In Russ.)

Kleiner Yu. A., Riekhakainen E. I. [On the experimental verification of existence of monosyllables of complicated configuration]. *XLVII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya, napravlenie obshchego yazykoznaniya, sektsiya fonologii. Programma i tezisyy dokladov. 21 marta 2018 g. Filologicheskii fakul'tet SPbGU* [47th International Philological Research Conference, Area of General Linguistics, Section on phonology. Program and abstracts. March 21, 2018. St. Petersburg State University, Faculty of philology]. St. Petersburg, 2018, pp. 5–6. Available at: http://genling.spbu.ru/phonolog/subsection/2018_Phonology_programme.pdf (see also: <http://conference-spbu.ru/conference/38/reports/8697/>) (accessed 11.03.2023). (In Russ.)

Kodzasov S. V. [Syllable]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic dictionary of linguistics]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1990, p. 470. (In Russ.)

Kuz'menko Yu. K. *Fonologicheskaya evolyutsiya germanskikh yazykov* [Phonological evolution of the Germanic languages]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 249 p.

Lieberman A. S. [The order of rules in phonology and the reality of distinctive features]. *Voprosy yazykoznaniia*, 1971, no. 3, pp. 60–72. (In Russ.)

Lieberman A. [Review of:] N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes. Paris: Mouton, 1975. 506 p. *Linguistics*, vol. 18, no. 5–6, 1980, pp. 543–556. Electronic version of 2017, available at: <http://genling.spbu.ru/llf/texts/scans/Lieberman1980-2017.pdf> (accessed 11.03.2023).

Polivanov E. D. [Review of:] R. O. Jakobson. K kharakteristike evraziiskogo yazykovogo soyuza [On the characteristics of Eurasian Sprachbund]. 1931. 59 p. — manuscript in the Literary Archive of the Museum of Czech Literature in Prague: R. O. Jakobson's fund, box 17. C. 15 [1933]. (In Russ.)

Polivanov E. D. [Mutational changes in the phonic history of language] // E. D. Polivanov. *Stat'i po obshchemu yazykoznaniyu* [Articles in general linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 90–113. (In Russ.)

Popov M. B. *Problemy sinkhronicheskoi i diakhronicheskoi fonologii russkogo yazyka* [Problems of Russian synchronic and diachronic phonology]. St. Petersburg, Filologicheskii Fakul'tet SPbGU Publ., 2004. 344 p.

Popov M. B. *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Phonetics of modern Russian]. St. Petersburg, Filologicheskii Fakul'tet SPbGU Publ., 2014. 302 p.

Shcherba L. V. [Subjective and objective method in phonetics]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi akademii nauk* [Proceedings of the Department of the Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences]. Year 1909. Vol. XIV. Book 4. St. Petersburg, 1910, pp. 196–204. (In Russ.)

Shcherba L. V. *Russkie glasnye v kachestvennom i kolichestvennom otnoshenii* [Russian vowels in their qualitative and quantitative relationships]. St. Petersburg, 1912.

Steblyn-Kamenskii M. I. O simmetrii v fonologicheskikh resheniyakh i ikh needinstvennosti [On the symmetry in phonological solutions and their non-uniqueness]. *Voprosy yazykoznaniia*, 1964, no. 2, pp. 45–52. (In Russ.)

Troubetzkoy N. S. Essai d'une théorie des oppositions phonologiques. *Journal de psychologie normale et pathologique*. Année 33, no. 1, 1936, pp. 5–18.

Trubetskoi N. S. *Osnovy fonologii* [Principles of phonology]. Moscow, Izdatel'stvo Inostranoi Literatury Publ., 1960. 372 p.

Tsintsius V. I. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka: fonetika i morfologiya* [A sketch of Even (Lamut) grammar: phonetics and morphology]. Leningrad, Gosudarstvennoe Uchebno-pedagogicheskoe Izdatel'stvo Publ., 1947. 271 p.

Tsintsius V. I. *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative phonetics of the Manchu-Tungus languages]. Leningrad, Gosudarstvennoe Uchebno-pedagogicheskoe Izdatel'stvo Publ., 1949. 343 p.

Voronkova G. V., Steblyn-Kamenskii M. I. [Phoneme — a bundle of DF?]. *Voprosy yazykoznaniia*, 1970, no. 6, pp. 15–26. (In Russ.)

Zinder L. R. [On the inventory of phonemes in modern German]. *Philologica: Issledovaniya po yazyku i literature* [Studies in language and literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1973, pp. 168–174. (In Russ.)

Zinder L. R. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1979. 312 p.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

№ 4

МОСКВА
2023

Главный редактор

А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственные редакторы номера:

О. В. Антонова, канд. филол. наук (Москва, Россия);

М. Л. Каленчук, доктор филол. наук (Москва, Россия);

Д. М. Савинов, доктор филол. наук (Москва, Россия)

Редакционная коллегия номера:

А. Е. Журавлёва, канд. филол. наук (Москва, Россия);

Е. В. Корпечкова (Москва, Россия);

Н. В. Никитин (Москва, Россия)

Редакционный совет:

А. Е. Аникин, доктор филол. наук, академик РАН (Новосибирск);

Ю. Д. Апресян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);

Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);

А. А. Гиппиус, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);

М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

А. П. Майоров, д. ф. н., профессор (Улан-Удэ, Россия);

Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);

Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);

В. А. Плунгян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ахим Рабус, Dg. habil., профессор (Фрайбург, Германия);

Ф. Б. Успенский, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);

Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);

А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

канд. филол. наук А. Е. Журавлёва

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru